

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Предстояла кража

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146696

Аннотация

«Предстояла крупная кража, а быть может, убийство. Нынче ночью предстояла она – и скоро нужно было идти к товарищу, а не ждать в бездействии дома и не оставаться одному. Когда человек один и бездействует, то все пугает его и злорадно смеется над ним темным и глухим смехом...»

Леонид Андреев

Предстояла кража

Предстояла крупная кража, а быть может, убийство. Нынче ночью предстояла она – и скоро нужно было идти к товарищу, а не ждать в бездействии дома и не оставаться одному. Когда человек один и бездействует, то все пугает его и злорадно смеется над ним темным и глухим смехом.

Его пугает мышь. Она таинственно скребется под полом и не хочет молчать, хотя над головой ее стучат палкой так сильно, что страшно становится самому. И на секунду она замирает, но, когда успокоенный человек ложится, она внезапно появляется под кроватью и пилит доски так громко-громко, что могут услышать на улице и прийти и спросить. Его пугает собака, которая резко звякает на дворе своей цепью и встречает каких-то людей; и потом они, собака и какие-то люди, долго молчат и что-то делают; их шагов не слышно, но они приближаются к двери, и чья-то рука берется за скобку. Берется и держит, не отворяя.

Его страшит весь старый и прогнивший дом, как будто вместе с долголетней жизнью среди стонущих, плачущих, от гнева скрежещущих зубами людей к нему пришла способность говорить и делать неопределенные и страшные угрозы. Из мрака его кривых углов что-то упорно смотрит, а когда поднести лампу, он бесшумно прыгает назад и становится

высокой черной тенью, которая качается и смеется – качается и смеется, такая страшная на круглых бревнах стены. По низким потолкам его кто-то ходит тяжелыми стопами; шагов его почти не слышно, но доски гнутся, а в пазы сыплется мелкая пыль. Она не может сыпаться, если нет никого на темном чердаке и никто не ходит и не ищет чего-то. А она сыплется, и паутина, черная от копоты, дрожит и извивается. К маленьким окнам его жадно присасывается молчаливая и обманчивая тьма, и – кто знает? – быть может, оттуда с зловещим спокойствием невидимок глядят тусклые лица и друг другу показывают на него:

– Смотрите! Смотрите! Смотрите на него!

Когда человек один, его пугают даже люди, которых он давно знает. Вот они пришли, и человек был рад им; он весело смеялся и спокойно глядел на углы, в которых кто-то прятался, на потолок, по которому кто-то ходил, – теперь никого уже нет, и доски не гнутся, и не сыплется больше тонкая пыль. Но люди говорят слишком много и слишком громко. Они кричат, как будто он глухой, и в крике теряются слова и их смысл; они кричат так обильно и громко, что крик их становится тишиной, и слова их делаются молчанием. И слишком много смотрят они. У них знакомые лица, но глаза их чужие и странные и живут отдельно от лица и его улыбки. Как будто в глазные щели старых, приглядевшихся лиц смотрит кто-то новый, чужой, все понимающий и страшно хитрый.

И человек, которому предстояла крупная кража, а быть может, убийство, вышел из старого покосившегося дома. Вышел и облегченно вздохнул.

Но и улица – безмолвная и молчаливая улица окраин, где строгий и чистый снег полей борется с шумным городом и властно вторгается в него немymi и белыми потоками – пугает человека, когда он один. Уже ночь, но тьмы нет, чтобы скрыть человека. Она собирается где-то далеко, впереди и сзади и в темных домах с закрытыми ставнями, и прячет всех других людей, – а перед ним она отступает, и все время он идет в светлом кругу, такой обособленный и всем видимый, как будто поднят он высоко на широкой и белой ладони. И в каждом доме, мимо которого движется его сгорбленная фигура, есть двери, и все они смотрят так сторожко и напряженно, как будто за каждой из них стоит готовый выскочить человек. А за заборами, за длинными заборами, расстилается невидимое пространство: там сады и огороды, и там никто не может быть в эту холодную зимнюю ночь, – но если бы кто-нибудь притаился с той стороны и в темную щель глядел бы на него чужими и хитрыми глазами, он не мог бы догадаться о его присутствии. И от этого он перебрался на середину улицы и шел по ней, обособленный и всем видимый, а отовсюду провожали его глазами сады, заборы и дома.

Так вышел человек на замерзшую реку. Дома, полные людей, остались за пределами светлого круга, и только поле и только небо холодными светлыми очами глядели друг на

друга. Но было неподвижно поле, а все небо быстро бежало куда-то, и мутный, побелевший месяц стремительно падал в пустоту бездонного пространства. И ни дыхания, ни шороха, ни тревожной тени на снегу – хорошо и просторно стало кругом. Человек расправил плечи, широко и злобно взглянул на оставленную улицу и остановился.

– Покурим! – сказал он громко и хрипло, и спичка слегка осветила широкую черную бороду.

И тут же выпала из вздрогнувшей руки, так как на слова его пришел ответ – странный и неожиданный ответ среди этого мертвого простора и ночи. Нельзя было понять: голос это или стон, далеко он или близко, угрожает он или зовет на помощь. Что-то прозвучало и замерло.

Долго ждал напуганный человек, но звук не повторялся. И, еще подождав, он еще спросил:

– Кто тут?

И так неожидан и изумительно-прост был ответ, что человек рассмеялся и бессмысленно выругался: то щенок визжал – самый обыкновенный и, должно быть, очень еще маленький щенок. Это видно было по его голосу – слабенькому, жалобному и полному той странной уверенности, что его должны услышать и пожалеть, какая звучит всегда в плаче очень маленьких и ничего не понимающих детей. Маленький щенок среди снежного простора ночи. Маленький, простой щенок, когда все было так необыкновенно и жутко, и весь мир тысячью открытых очей следил за человеком. И че-

ловек вернулся на тихий зов.

На утоптанном снегу дальней тропинки, беспомощно откинув задние лапки и опираясь на передние, сидел черненький щенок и весь дрожал. Дрожали лапки, на которые он опирался, дрожал маленький черный носик, и закругленный кончик хвоста отбивал по снегу ласково-жалобную дробь. Он давно замерзал, заблудившись в беспредельной пустыне, многих уверенно звал он на помощь, но они оглядывались и проходили мимо. А теперь над ним остановился человек.

«А ведь это, кажется, наш щенок!» – подумал человек, приглядываясь.

Он смутно помнил что-то крошечное, черное, вертлявое; оно громко стучало лапками, путалось под ногами и тоже визжало. И люди занимались им, делали с ним что-то смешное и ласковое, и кто-то однажды сказал ему:

– Погляди, какой Тютька потешный.

Он не помнит, поглядел он или нет; быть может, никто и не говорил ему этих слов; быть может, и щенка никакого у них в доме не было, а это воспоминание пришло откуда-то издалека, из той неопределенной глубины прошлого, где много солнца, красивых и странных звуков, и где все путается.

– Эй! Тютька! – позвал он. – Ты зачем попал сюда, собачий сын?

Щенок не повернул головки и не завизжал: он глядел куда-то в сторону и весь безнадежно и терпеливо дрожал. Са-

мый обыкновенный и дрянной был этот щенок, а человек так постыдно испугался его и сам чуть-чуть не задрожал. А ему еще предстоит крупная кража и, может быть, убийство.

– Пошел! – крикнул человек грозно. – Пошел домой, дрянь!

Щенок как будто не слышал; он глядел в сторону и дрожал все той же настойчивой и мучительной дрожью, на которую холодно было смотреть. И человек серьезно рассердился.

– Пошел! Тебе говорят! – закричал он. – Пошел домой, дрянь, поганыш, собачий сын, а то я тебе голову размозжу. По-о-шел!

Щенок глядел в сторону и как будто не слышал этих страшных слов, которых испугался бы всякий, или не придавал им никакого значения. И то, что он так равнодушно и невнимательно принимал сердитые и страшные слова, наполнило человека чувством злобы и злобу его сделало бессильной.

– Ну, и подыхай тут, собака! – сказал он и решительно пошел вперед.

И тогда щенок завизжал – жалобно, как погибающий, и уверенно, что его должны услышать, как ребенок.

– Ага, завизжал! – с злобной радостью сказал человек и так же быстро пошел назад, и когда подошел – щенок сидел молча и дрожал.

– Ты пойдешь или нет? – спросил человек и не получил ответа.

И вторично спросил то же и вторично не получил отве-

та. И тогда началась странная и нелепая борьба большого и сильного человека с замерзающим животным. Человек прогонял его домой, сердился, кричал, топал огромными ногами, а щенок глядел в сторону, покорно дрожал от холода и страха и не двигался с места. Человек притворно пошел назад к дому и ласково чмокал губами, чтобы щенок побежал за ним, но тот сидел и дрожал, а когда человек отошел далеко, стал настойчиво и жалобно визжать. Вернувшись, человек ударил его ногой: щенок перевернулся, испуганно взвизгнул и опять сел, опираясь на лапки, и задрожал. Что-то непонятное, раздражающее и безвыходное вставало перед человеком. Он забыл о товарище, который ждал его, и обо всем том далеком, что будет сегодня ночью, – и всей раздраженной мыслью отдавался глупому щенку. Не мог он помириться с тем, как щенок не понимает слов, не понимает необходимости скорей бежать к дому.

С яростью человек поднял его за кожу на затылке и так отнес на десять шагов ближе к дому. Там он осторожно положил его на снег и приказал:

– Пошел! Пошел домой!

И, не оглядываясь, зашагал к городу. Через сотню шагов он в раздумье остановился и поглядел назад. Ничего не было ни видно, ни слышно – широко и просторно было на замерзшей речной глади. И осторожно, подкрадываясь, человек вернулся к тому месту, где оставил щенка, – и с отчаянием выругался длинным и печальным ругательством: на том

же месте, где его поставили, ни на пядь ближе или дальше, сидел щенок и покорно дрожал. Человек наклонился к нему ближе и увидел маленькие круглые глазки, подернутые слезами, и мокрый жалкий носик. И все это покорно и безнадежно дрожало.

– Да пойдешь ты? Убью на месте! – закричал он и замахнулся кулаком.

Собрав в глаза всю силу своей злобы и раздражения, свирепо округлив их, он секунду пристально глядел на щенка и рычал, чтобы напугать. И щенок глядел в сторону своими заплаканными глазками и дрожал.

– Ну, что мне с тобой делать? Что? – с горечью спросил человек.

И, сидя на корточках, он бранил его и жаловался, что не знает, как быть; говорил о товарище, о деле, которое предстоит им сегодня ночью, и грозил щенку скорой и страшной смертью.

И щенок глядел в сторону и молча дрожал.

– А, дурак, пробковая голова! – с отчаянием крикнул человек; как что-то противное, убийственно ненавидимое, подхватил маленькое тельце, дал ему два сильных шлепка и понес к дому.

И диким хохотом разразились, встречая его, дома, заборы и сады. Глухо и темно гоготали застывшие сады и огороды, сметливо и коварно хихикали освещенные окна и всем холодом своих промерзших бревен, всем таинственным и гроз-

ным нутром своим, сурово смеялись молчаливые и темные дома:

– Смотрите! Смотрите! Вот идет человек, которому предстоит убийство, и несет щенка. Смотрите! Смотрите на него!

И совестно и страшно стало человеку. Дымным облаком окутывали его злоба и страх, и что-то новое, странное, чего никогда еще не испытывал он в своей отверженной и мучительной жизни вора: какое-то удивительное бессилие, какая-то внутренняя слабость, когда крепки мышцы и злобой сводится сильная рука, а сердце мягко и бессильно. Он ненавидел щенка – и осторожно нес его злобными руками, так бережно и осторожно, как будто была это великая драгоценность, дарованная ему прихотливой судьбой. И сурово оправдывался он:

– Что же я с ним поделаю, если он не идет. Ведь нельзя же, на самом деле!

А безмолвный хохот все рос и сонмом озлобленных лиц окружал человека, которому нынче предстояло убийство и который нес паршивого черненького щенка. Теперь не одни дома и сады смеялись над ним, смеялись и все люди, каких он знал в жизни, смеялись все кражи и насилия, какие он совершал, все тюрьмы, побои и издевательства, какие претерпело его старое, жилистое тело.

– Смотрите! Смотрите! Ему красть, а он несет щенка! Ему нынче красть, а он опоздает с паршивым маленьким щенком. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Старый дурак! Смотрите! Смотрите на

него!

И все быстрее он шел. Подавшись вперед всем туловищем, наклонив голову, как бык, готовый бодаться, он точно пробивался сквозь невидимые ряды невидимых врагов и, как знамя, нес перед собой таинственные и могущественные слова:

– Да ведь нельзя же на самом деле! Нельзя!

И все тише, все глуше становился потаенный смех невидимых врагов, и реже стали их тесные ряды. Быть может, оттого случилось это, что пушистым снегом рассыпались тучи и белым колеблющимся мостом соединили небо с землей. И медленнее пошел успокоенный человек, а в злобных руках его оживал полузамерзший черненький щенок. Куда-то далеко, в самую глубину маленького тела, загнал мороз нежную теплоту жизни – и теперь она выходила оттуда пробуждающаяся, яркая, странно-прекрасная в своей непостижимой тайне – такая же прекрасная, как зарождение света и огня среди глубокой тьмы и ненастья.